

Выбор БУКЕРА: МЕЖДУ МОДЕРНИЗМОМ И РЕАЛИЗМОМ

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Вечером 8 декабря в московском Доме архитектора состоялось торжество по случаю объявления первого лауреата Букеровской премии среди литераторов, пишущих на русском языке (независимо от места их проживания).

В финале на нее претендовало шестеро: Фридрих Горенштейн, Владимир Иванченков, Владимир Маканин, Людмила Петрушевская, Владимир Сорокин, Марк Харитонов.

Британская премия Букера довольно основательно встряхнула нашу литературную жизнь. Многие вспомнили, что кроме всевозможных «Ангелик» и «Эммануэлей» существует еще и настоящая, живая, современная русская литература. Устоявшееся недоверие ко всему своему совершенно необоснованно распространилось на искусство и литературу. Должен сказать, что ЦК КПСС был куда прозорливей. Он никогда не считал советскую литературу «советской», видя в ней лишь потенциальную опасность для своей власти.

Во всяком случае, шестеро претендентов на премию Букера, вышедшие в финал, во все времена оставались верны себе, как, впрочем, и все 50 авторов, представленных экспертами на премию.

Любая литературная премия — это еще и игра. Поэтому не следует думать, что все остальные где-то за бортом литературы. Не будем забывать, что величайшие писатели XX века Набоков и Борхес не были удостоены Нобелевской премии. Но их творчество от этого не хуже.

Престижная международная Букеровская премия приходит в Россию впервые за 35 лет своего существования. Само по себе это явление весьма отрадное. Парад финалистов, конечно

же, не может быть идиллическим. В отличие от борьбы политической борьба литературных направлений явление весьма отрадное. Одни по природе своей модернисты, потому что генетически запрограммированы идти путями непроторенными, не доверяя очевидности. Другие не менее целенаправленно следуют по стезе повседневности, поскольку они реалисты от Бога. Время показало, что искусству нужны обе крайности.

Добротный реализм Людмилы Петрушевской, основанный на житейской правде человеческих отношений, хорошо известен и давно апробирован. Вряд ли кто сомневается, что премию с таким же правом могли получить и другие, не менее талантливые реалисты — тот же Владимир Маканин, хотя на этот раз он предстал перед читателем в новом, слегка фантастическом облачении.

Не вызвало бы возражений присуждение премии Фридриху Горенштейну, продолжающему традиции соцреализма за рубежом, но с обратным знаком. В отличие от соцреалистических эпопей, где все перевернуто, его положительные герои действительно хорошие люди, а отрицательные и в самом деле ужасны.

По крайней мере четыре претендента от многочисленного

стама реалистов слегка столпились в финале, чего не скажешь о писателях, убежавших из реалистического ярма, в которое усиленно запрягала художника вся советская критика. Среди них — Владимир Сорокин.

В отличие от других претендентов на премию он был представлен не книгой или журнальной публикацией, а рукописью романа «Сердца четырех». Несмотря на все перетряски и перестройки, модернистов в России печатают крайне редко.

Включив одного модерниста в число шестерых, жюри продемонстрировало традиционную для последних лет «веротерпимость и широту», хотя и без голосования было ясно, что всемирно известному Сорокину, конечно же, премию не дадут. Ведь почти все члены жюри — праввернейшие реалисты. Премия-то британская, а жюри наше, до боли знакомое.

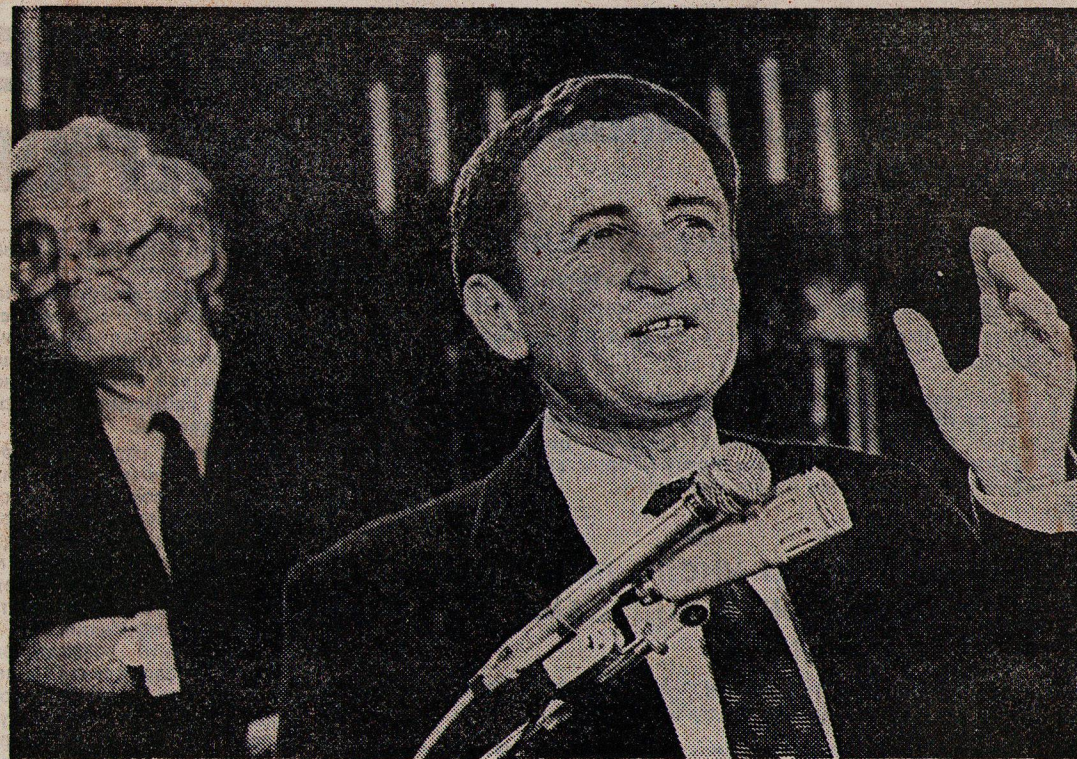
(Помню, как в 70-х годах была напечатана блистательная повесть Валентина Катаева «Алмазный мой венец», навлекшая на себя гнев. После этого Катаева пригласили выступить перед студентами Литературного института.

— Почему вы раньше писали доступно и понятно, а теперь иначе? — спросил из зала записной комсомольский активист.

— Да потому что надоело. Что же, писать, как раньше: глава первая, глава вторая... Скучно все это, — ответил Катаев.

А потом добавил:

— Недавно спросил я своего друга, что, мол, пишешь, а он, не моргнув глазом, отвечает: «Пишу повесть на двадцать печатных листов». Еще не напи-

Выступает Марк Харитонов.

Фото В. МАШАТИНА.

сал, а уже знает, сколько печатных листов.

А ведь это и называлось мастерством, «владением стилем».

Но вот Владимир Сорокин действительно владеет стилем. У него прямо-таки от зубов отлетают все стереотипы соцреализма. Он может начать повествование в «задушевном» ретро-деревенской прозы, лихо перейти к кондовым штампам производственного романа и вдруг вломиться в дикий абсурд, с выкрикиванием советских лозунгов, переходящих в умеренный и неумеренный нецензурный «сюсю».

В одном из интервью писатель сказал: «Нельзя же в эпоху Набокова писать, как Набоков, поэтому я пошел по другому пути...»

Владимир Сорокин пишет «по-

сле Набокова», и в этом большое достоинство его прозы. К сожалению, большинство русских писателей сегодня пишут не «после» и даже не «во время» Набокова, а «до» него. Это обрекает их на успех среди поклонников «тяжелого» реализма и на недолговечность успеха среди тех, кто рано или поздно все же прочтет Набокова.

Премия вручена Марку Харитонову за роман «Линия судьбы, или Сундучок Милашевича». В основе его жизнь и судьба забытого писателя Милашевича, чью рукопись находит в сундучке его ученик. Впрочем, тут дело не во внешнем сюжете, а в многообразии стилистических пластов, из которых возникают совершенно разные модели жизни одного лица. Это некий компромиссный путь между тради-

ционным реализмом и новым литературой.

Горьковатая философия Марка Харитонова адекватна его запутанному стилю, сквозь который, прямо скажем, продираться довольно трудно. И все же, говоря словами автора, «здесь вопреки всему еще звучит музыка, это особенно важно во времена глухоты».

Премия Букера пришла в Россию благодаря стараниям и усилиям многих лиц. Прежде всего это главный координатор по поручению Британского совета Джон Кроуфорд.

Дело даже не в том, какое место кому досталось. Важно, что оживилась литературная жизнь. Приунывшие были писатели слегка воспрянули духом, а значит, благородная цель достигнута.